

ЕГОР ИВАНОВ



ПЕШКА

НЕ ОТКРЫВАТЬ ДО ДВОРЦА

18+

Егор Иванов

Пешка

<https://litres.ru/73886819>

SelfPub; 2026

Аннотация

Альтернативная Российская империя, наши дни. История пошла по другому пути, но пришла к тем же проблемам, что и весь современный мир. Газ проведён в каждую деревню, новые дома растут как грибы, свобода слова вроде бы есть. Но за фасадом — коррупция элиты, миграционный кризис, навязчивая пропаганда и чувство, что настоящей жизни в этой сытости нет.

Пятнадцатилетний Митя — технарь, домосед, любитель тишины и запаха яблок. Мир большой политики кажется ему далёким и не имеющим к нему отношения. Но случайное событие вырывает его из привычной жизни и заставляет отправиться через всю Империю — от деревенских проселков до парадных залов столицы. Ему предстоит увидеть то, что скрывается за красивой картинкой имперского благополучия, и понять: он — пешка в чужой игре, или у него есть выбор? И если есть — чем он готов за него заплатить?

Содержание

Глава	4
Пешка	5
Оглавление	6
Егор Торопов	7
Пролог. Заводские настройки	8
Глава 1. Демографический ресурс	24
Конец ознакомительного фрагмента.	36

Пешка

Глава

Егор Иванов

Пешка

Шрифты предоставлены компанией «ПараТайп»

© Егор Иванов, 2026

Альтернативная Российская империя, наши дни. История пошла по другому пути, но пришла к тем же проблемам, что и весь современный мир. Газ проведён в каждую деревню, новые дома растут как грибы, свобода слова вроде бы есть. Но за фасадом — коррупция элиты, миграционный кризис, навязчивая пропаганда и чувство, что настоящей жизни в этой сытости нет.

18+

ISBN 978-5-0070-3120-2

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Оглавление

Пешка

Егор Торопов Пешка

Пролог. Заводские настройки

Глава 1. Демографический ресурс

Глава 2. Великие часы

Глава 3. Черный пакет

Глава 4. Ведь вроде все хорошо

Глава 5. Ты боишься?

Глава 6. Кабинет без номера

Глава 7. Город святых

Глава 8. Мосты

Глава 9. Пропуск

Глава 10. Изнанка

Глава 11. Кровь

Глава 12. Новый урок

Иллюстрации

Правовая оговорка

Егор Торопов

Пешка

Это история о подростке, который живёт в альтернативной современной России — монархии, похожей на сытую, но внутренне опустевшую Великобританию. Внешне всё благополучно: высокие зарплаты, газ, электричество, новые дома, свобода слова. Но за фасадом процветания — коррупция элиты, миграционный кризис, навязчивая пропаганда и чувство, что настоящей жизни в этой сытости нет.

Главный герой — пятнадцатилетний Митя. Он не хочет никуда уезжать, ценит свой дом, семью, простые радости деревни. Он умный, но не любит школу, его страсть — техника. Мир вокруг кажется ему далёким и не имеющим к нему отношения.

Однако случайное событие вырывает его из привычной жизни. Он оказывается втянут в опасную авантюру, вынужден покинуть дом и отправиться в долгий путь. Ему предстоит пройти через испытания, встретить разных людей и понять, что скрывается за красивой картинкой имперского благополучия.

Пролог. Заводские настройки

Осень в Заозёрье всегда пахло газом от котла, мокрыми яблоками и железом. Митя любил этот запах. Любил прохладу с утра, когда только встанешь и воздух ещё не прогрелся, а за окном туман. Любил смотреть на узоры дерева на стенах — в их новом «каркачнике» стены внутри были отделаны светлой доской, и рисунок годовых колец напоминал причудливые лица. Любил свой двор: яблоню, гараж с хламом, будку, которую строил дед, и тишину, которая наступала к вечеру.

Их дом, как и у всех в деревне, был типовым — государственная программа «Имперский уют»: каркасник на сто квадратов, с террасой и уличным очагом. Отдельный гараж стоял чуть поодаль, но машины в нём не было — только хлам: самокат «Вихрь» первой модели, собранный из запчастей, снегоуборочная машина, ящики с инструментами и прошлогодние шины от «Питерца», который мать купила, но уже шестой месяц чинят по гарантии в торговом доме в уездном центре. В самом доме — газовый котёл, пластиковые окна, настенный маршрутизатор В. А. И.-Ф.А.И.*, который все в народе по привычке называли просто «вайфай». Дёшево, практично, без души. Но Митя всё равно любил это место. Он здесь родился. Здесь пахло не новостройкой и пластиком, а яблоками из собственного сада и дедовым табаком.

В доме было тепло. Газовый котёл, который Митя сам настроил прошлой зимой, гудел в подсобке ровно и убаюкивающе. Мать не любила включать его на полную — экономила, хотя деньги вроде были. Митя не лез. У них в деревне вообще многие сэкономили, даже те, у кого в гаражах стояли новенькие «Питерцы» последних моделей — с климат-контролем и электронными панелями, но внешне похожие на утюги.

Дед говорил: «Привычка старая. В Европе, сказывают, до сих пор так живут — каждую копейку считают».

Митя не знал. Европу он видел только по телевизору: серые многоэтажки, очереди, старые машины, бандиты. Говорят, там коммунистов свергли полвека назад, а теперь автократия — бандиты стали править, а народ нищий. А у нас, слава богу, монархия. Империя. Царь. Дед добавлял: «И не надо нам „ихней“ свободы, у нас порядок».

Люди в империи жили лучше, чем где бы то ни было. Зарплаты были высокими — мать получала в фельдшерском пункте столько, что хватало на еду, одежду, подписку на «Град» без рекламы и даже на поездку в пассаж в райцентре раз в месяц. В магазинах — любые продукты: местные, европейские, даже дешёвые консервы из закрытой Америки.

Газ провели в каждую деревню, электричество стоило копейки — можно было не выключать свет во всём доме и не бояться счёта. Новые дома по программе «Имперский уют» росли как грибы — с тёплыми полами и вайфаем на стене.

Свобода слова тоже была: можно было писать в «Граде» про плохие дороги, ругать урядника*, обсуждать цены. Газеты печатали критику местных чиновников. Никто не запрещал. Жизнь была сытая, тёплая, безопасная.

Но Митя иногда думал: «Вроде всё хорошо, а чего-то не хватает. Живого, что ли».

По телевизору показывали балы в Зимнем дворце, заседания Имперской думы, репортажи о новых законах. Иногда мелькали сюжеты о чиновниках, которые строили себе дома на побережье. Дед ворчал: «У элиты свои порядки». Но добавлял: «Царь-то хороший. Если б знал — разобрался бы». Мать при таких разговорах отмалчивалась. Митя не знал, что думать. Ему казалось, что всё это — далёкое и не касается его напрямую. Живут себе люди во дворцах, живут. Ему бы свой самокат починить.

Митя сидел на корточках у своего «Вихря» — собрал его из запчастей, но родная плата сгорела ещё в мае. Он заказал новую с электрорынка, но та пришла с браком. Теперь колдовал с контроллером: отпаивал старые контакты, припаивал новые. Руки в припое, под ногтями чернота, вокруг валяются куски термоусадки и мультиметр. Рядом на скамейке лежал смартфон — экран треснутый, но работает. Из динамика хрипело радио. Не потому, что он хотел слушать новости. Просто привык к фону.

«...Имперская комиссия по миграции сегодня одобрила...» — Митя потянулся, выключил. В селе и так всё понят-

но. По телевизору только и говорят, что о потоках, квотах, напряжённости в приграничных областях. До Заозёрья это не доходило.

К тому же официальные новости в их доме смотрели редко — в основном дед и мать включали сетевые кинотеатры. Как и вся Империя, Заозёрье жило сериалами. Развлечения были на любой вкус, лишь бы люди смотрели в экраны, а не в окно.

Мать по вечерам ставила на планшете бесконечные мелодрамы. Сейчас вся женская половина губернии обсуждала сериал «Княжна по контракту» — красивую, вылизанную сказку про девчонку из глухой волости, которая сдала экзамены в Госмонополию, уехала в Петербург и влюбилась в молодого графа, директора департамента. На экране мелькали блестящие балы, интриги в стеклянных небоскрёбах, дорогие электромобили и обязательный счастливый конец. Мать смотрела, глядя бельё, и тихо вздыхала.

Дед эти «слюни» не признавал. Он уважал полицейские детективы. Каждый вечер по имперскому каналу крутили «Околоточного» — мрачный, псевдореалистичный сериал про честного столичного сыщика. Главный герой ездил на старой бензиновой машине, носил потёртую шинель и без разбору сажал всех: от мелких воришек из трущоб до зажавшихся министерских сынков на спорткарах. — Вот так и надо! — говорил дед, прихлебывая чай из блюдца и одобрительно кивая в экран. — Истинный слуга Государев! На-

стоящий порядок наводит, не то, что наши местные трутни в управе. Царь-то ведь законы правильные пишет, всё для людей, да только исполнителей таких честных мало осталось. Митя про себя усмехался. Он отлично понимал, что в реальной жизни зажавшегося министерского сынка с мигалками этот околоточный даже остановить бы не посмел, не то, что в камеру кинуть. Но деду, как и миллионам других работяг, нравилось верить, что где-то наверху есть честные люди с погонами. Государство исправно продавало им эту справедливость по вечерам.

Молодёжь же тащилась от комедий и ура-патриотических блокбастеров. Колян с Серёгой на переменах только и обсуждали новый фильм Молодёжь же тащилась от комедий и ура-патриотических блокбастеров. Колян с Серёгой на переменах только и обсуждали новый фильм «Гвардия: Марсианский рубеж» — как там наши космодесантники в силовой броне с двуглавыми орлами выжигали лазерами коммунистических наёмников. Пропаганда лепила образ врага топорно, но для кассовых сборов безотказно: раз планета Красная, значит, и зараза на ней засела исключительно «красная». Или ржали над ситкомом «Канцелярия» — про нелепых мелких чиновников, которые вечно пьют чай, перекладывают бумажки и до дрожи в коленях боятся своего столоначальника.

Но Митю всё это киношное враньё не трогало. Зачем смотреть на нарисованный Марс или выдуманного графа,

когда у тебя перед носом реальный сторевающий контроллер? Ему не нужны были экранные сказки про справедливость и социальные лифты.

Он открыл местный мессенджер «Град» — говорят, его придумал тот самый Пашка, который потом поссорился с имперской элитой и уехал в пустыни. А «Градом» теперь владеет имперская госкорпорация, но название оставили. В чате «Заозёрье Online» бабка Клава жаловалась на бродячих собак, сосед Горыныч выложил фотоснимок нового дробовика, а урядник скинул предупреждение: «Участились случаи мошенничества. Не сообщайте коды из молний*». Митя пролистал дальше. Ничего интересного.

Мать вышла на крыльцо, запахивая старый халат.

— Будешь завтракать?

— Сейчас.

Он отложил телефон, проверил мультиметром напряжение на выходе — ноль. Вздохнул. Потом доделает. На улице моросило. За огородами темнел лес — мокрый, чёрный, с редкими золотыми вкраплениями.

Деревня жила своей жизнью. Три улицы, новый магазин у трассы (сетевая «Империя Пассаж», как в городе), и школа — предмет особой гордости всей области. Школа стояла в конце главной улицы, и это было не типовое здание, а старая купеческая усадьба, выстроенная ещё в позапрошлом веке на деньги лесоторговца Савватеева. Говорят, Савватеев любил лапту и однажды в государственном казино проиграл

усадыбу вчистую — то ли не рассчитал силы, то ли казино было нечестным. Империя забрала здание, отдала под школу. Так оно и стояло почти сто лет — с облупившейся лепниной, покосившимися колоннами и дырявой крышей. А два года назад капитально восстановили по программе «Имперское наследие». Теперь это был архитектурный памятник: белые колонны, высокие окна с деревянными переплётами, лепнина на потолках в актовом зале. На центральном фасаде сверкал позолотой двуглавый орёл, а на крыше флагшток с имперским триколором. Губернатор приезжал на открытие, речь говорил, называл Заозёрье «жемчужиной образования». Местные гордились, но больше тем, что теперь не надо возить детей в уездный центр.

Митя же относился к этому равнодушно: красивое здание не делало уроки интереснее. Всё равно «Основы верноподданства» — три раза в день, а из технического только «Трудовая повинность» в мастерской. Интерактивные доски висели в каждом классе — большие, с сенсорным управлением. Но ими никто не пользовался. Учителя включали старый проектор, потому что «доски эти вечно глючат, а проектор надёжнее».

В школе каждое утро начиналось с гимна империи. На уроках «Основ верноподданства» рассказывали об истории династии, о заслугах государя и о том, как важно беречь порядок. Митя слушал, но иногда думал: зачем всё это повторять из года в год?

Учительница строго спрашивала: «Кто не согласен?» — и никто не поднимал руку. Митя тоже молчал. Не потому, что боялся, — просто не видел смысла спорить.

Митя прогуливал уроки, когда не хотелось слушать про «великую миссию империи». Но были у него и другие занятия. Вместе с друзьями — Коляном, Серёгой и Тимуром — они часто ходили к плотине. Сидели на бетонных плитах, смотрели, как внизу, по скоростному шоссе, неслись «Питерцы», «Балты» и гружёные фуры «Добрыня». Иногда пробирались к старым бетонным заборам на окраине и разрисовывали их баллончиками — кто царского орла, кто просто бессмысленные узоры. Когда-то пробовали пиво «Николай» — говорили, что его назвали в честь одного из прежних государей, какого именно, Митя не проверял. Вкус был так себе. Митя тогда сделал всего глоток и тут же выплюнул — горькая, неприятная жижа, от которой во рту остался металлический привкус, а в голове — тупая тяжесть. Больше он к этому не прикасался. Жаль было тех, кто считал это глупое отравление признаком взрослости. Ему нравился сам процесс — быть вместе, делать что-то запретное..

Была у Мити и девушка — Ленка, с класса младше. Серьёзная, с вечно собранными в хвост волосами и умными глазами. Они встречались почти полгода, ходили в местный клуб, смотрели видео на «ТыТуте». Но разошлись. Ленка только и говорила, что о столице, об Институте технологий имени графа Шереметева, о карьере и «больших возможно-

стях». Митю это всё было чуждо. Ему не хотелось никуда уезжать, а ей не терпелось начать свою жизнь. Они расстались тихо, без скандала. Просто перестали писать друг другу. Иногда Митя видел её в школе — она проходила мимо с гордо поднятой головой. Он вздыхал и думал: ну и ладно.

Друзья у Мити были давние. Коля Колянов, такой же невысокий и вечно взлохмаченный, жил через два дома — они вместе лазали по деревьям и разбирали старый трактор за гаражами. Серёга появился позже, когда переехал из Калязина, но быстро вписался — у него был доступ к закрытым каналам на «ТыТуте», где показывали, как собирать дронов. Тимур, самый тихий и серьёзный, всегда находил интересные места для игр и был душой компании. Вместе они пропадали на реке, играли в карты в заброшенной сторожке, спорили о том, что лучше — «Питерец» или «Балт». Митя знал, что, если что-то случится, ребята помогут. Но он не хотел, чтобы что-то случилось.

Мать ругалась, когда узнавала о его прогулах, но не сильно. Она работала в фельдшерском пункте, приходила усталая, пахла йодом и валокордином. Отца Митя почти не помнил: тот уехал в Петербург на заработки, потом перестал звонить. — Забудь, — сказал дед. Митя забыл.

У деда была «Нива» — новая, купленная года три назад, но уже ржавая. Это была утилитарная модель от концерна «Балт», машина сугубо для работяг. По паспорту она сухо проходила как «Внедорожник для сельских обществ»: про-

стая, угловатая, без умных экранов и климат-контроля, которые ставили в столичные авто. Внешне она напоминала крепкий стальной сундук, но с обязательными имперскими нотками — тяжелой хромированной решеткой радиатора, круглыми фарами под металлическими козырьками и массивным тиснёным двуглавым орлом прямо по центру руля.

Краска слезала с порогов, арки задних колёс потемнели от коррозии. Митя не раз предлагал зачистить и покрасить, но дед отмахивался: «Работает — и ладно». На этой «Ниве» дед ездил в ближайший город за стройматериалами. Всю жизнь он строил дома по имперскому ГОСТу — на совесть, с запасом прочности. Современные каркасники «Имперский уют» тоже по ГОСТу, но дед старомоден: ему своё привычнее. Ушёл на долгожданную пенсию в семьдесят лет. Мать говорила: «Отдохни уже». А он всё равно тягал доски, цемент, утеплитель — то для соседа, то для будки собачьей. Без дела сидеть не мог.

А ещё дед любил животных. Не просто любил — он подбирал брошенных, лечил, откармливал и искал им новые дома. Освоил мессенджеры — тот же «Град» — чтобы публиковать объявления с фотоснимками. Соседи смеялись: «Ты бы ещё сетевой вестник завёл». А дед только отмахивался. Животные к нему тянулись сами — даже чужие, бродячие, которые никого не подпускали. Митя иногда думал, что дед любит животных больше, чем людей. Но вслух не говорил.

Бабушки не стало уже десять лет. Митя помнил её смут-

но: пахло от неё ванилью и старыми книгами. Мать с ней ругалась постоянно — характеры не сошлись, бабушка была твёрдая, как камень. «Царица», — усмеялся дед. Но мать в душе любила, просто не умела показывать. Когда бабушка умерла, мать три дня не выходила из комнаты, а потом собрала все книги — а их был целый дом, стеллажи во всех комнатах, — и выставила на «Привоз». Дед до сих пор вспоминает это плохим словом. Говорит: «Душу продала за копейки». Мать отмалчивается.

Так и живём.

У Мити был дед, был самокат «Вихрь», была яблоня во дворе, упав с которой он в детстве сломал руку, и был Горыныч — сосед с нелепой кличкой и страшными руками, который держал в сарае настоящий пулемёт. «Для порядка», — говорил Горыныч. И все в деревне кивали.

Оружие было у многих. Карабины, охотничьи ружья, у кого-то даже «калашниковы» новой сборки — такие продавали в «Империя Пассаж» в отделе «Товары для дома». Рядом с хлебом и молоком. Митя помнил, как в пятом классе одноклассник принёс в школу пистолет. Учительница не испугалась, только велела не тыкать пальцем в спусковой крючок.

В школе Митю учили «Основам верноподданства», имперской словесности и этикету — а тому, что действительно умели его руки, он научился сам. Дед показал, как держать паяльник и не выжечь проводку. Дядя Витя, друг деду, бывший заводской из соседней деревни, объяснил, как

работает мультиметр и почему контроллер самоката нельзя перегревать. Остальное Митя брал из роликов на «ТыТуте» — там были каналы про электронику, сборку дронов и перепрошивку плат. Правда, половину роликов в прошлом году заблокировала имперская цензура («непатриотичный контент»), но технические каналы пока работали. Митя успел скачать самое нужное.

Митя поднялся, отряхнул колени. За забором прошуршала машина — жёлтый фургон «Питерец-Курьер» службы «Империя Доставка». Привезли заказ матери: лекарства, крупу и какой-то новый гаджет, который она так и не освоит. Фургон укатил дальше, к соседям. В деревне почти у всех был доступ к электрорынкам, доставка работала исправно. Проблемы начинались, когда нужно было уехать дальше районного центра: старые дороги разбиты, а платные трассы стоят дорого. Заозёрье стояло в стороне от большой жизни. И Митя был этому рад.

Он не хотел никуда уезжать. В школе говорили: «Вы — будущее империи. Русский язык — второй в мире по числу носителей, после индокитайского. Английский, испанский, аргентино-немецкий — языки отсталых стран. Вы должны гордиться». Митя смотрел на одноклассников — те зевали, листали «ЧасПик», рисовали на партах двуглавых орлов и мечтали о контрактах с имперскими монополиями.

Митя не понимал их. Какая разница, какой язык на каком месте? Индокитайский — это тот, на котором говорят

в объединённом Китае и Индии, огромном бедном мегаблоке с миллиардами населения. Их язык стал первым в мире, но их самих никто не уважает. Английский остался только в закрытой Америке и части Европы. Никто туда не ездит, от туда приходят только дешёвые товары на электрорынки. Но по телевизору каждое утро вещали: «Наш язык — второй в мире!»

Дом, сад, тишина. Можно целыми днями возиться с электроникой, а вечером сидеть с дедом на крыльце, смотреть, как темнеет небо, и слушать про старую жизнь.

Дед рассказывал странное. Про то, что когда-то в Европе правили какие-то комиссары, что людей заставляли жить в коммуналках и доносить друг на друга. Что были страшные войны и голод. А потом Россия помогла европейцам свергнуть коммунистов, но те не уберегли свободу — теперь там Европейский вал, дикие картели, бандиты правят, а народ нищий.

— А у нас? — спрашивал Митя, вспоминая разбитые дороги и ржавеющую дедову «Ниву».

— А у нас монархия. Царь, — дед сплёвывал сквозь зубы. — Да, чинуши на местах воруют, бояре грызутся, как стервятники. Но Государь порядок держит. И слава богу. Европа — она другая. Чужая. Страшная. А у нас худой, да свой мир. Без потрясений.

Митя кивал. Ему было пятнадцать. Он жил в огромной, неповоротливой машине Империи, где в уездном центре сто-

ял сияющий пассаж с катком на крыше, где по телевизору показывали балы в Зимнем дворце и заседания Имперской думы, где каждый год менялись законы о мигрантах и налогах на непатриотичное предприятие.

Но теперь, сидя на крыльце, Митя всё чаще думал о словах школьного географа. Полмиллиарда человек. Огромный механизм, где каждый — лишь «демографический ресурс». Государство снимало сказки про марсианские рубежи и строило закрытые усадьбы для элиты, но при этом заставляло простых людей радоваться тому, что им просто не отключают газ и не стреляют на улицах, как в Европе.

Его бывшая девушка Ленка и другие ребята рвались туда, в этот сверкающий центр, готовые подписать любую кабалу с госмонополиями, лишь бы стать частью элиты. А Митя смотрел на свои перепачканные в припое пальцы и понимал: он не хочет быть ни винтиком, ни столичным инженером. Ему не нужны были ни балы, ни корпоративные контракты. Если полмиллиарда людей — это взаимозаменяемые микросхемы на одной огромной государственной плате, то он предпочел бы вообще не подключаться к питанию. Ему хватало этого двора, яблони и дедовского гаража.

Вся эта шумная, подавляющая Империя с её законами, гвардией и золотыми орлами казалась ему в Заозёрье лишь далёким фоном — как старое радио на верстаке. Если диктор начинает нести слишком уж пафосную чушь, радио всегда можно выключить. Щёлкнуть тумблером — и останется

только тишина, запах мокрых яблок и канифоли.

Он вошёл в дом, пропахший яблоками и табаком. Мать поставила на стол тарелку с кашей, ломоть хлеба, кружку молока. Рядом — смартфон с непрочитанными сообщениями в школьном чате. Кто-то скинул мем про парня на яхте — всем нравится его лицо. В «Граде» кто-то написал: «Опять элита нефтяные вышки поделила, бензин подорожает». Другой ответил: «А ты что, в Европу хочешь? Там вообще ни бензина, ни света». Третий добавил: «У нас хоть газ есть и царь». Тимур скинул новый ролик главным ремонтником империи, Станиславским: тот опять рожи корчит.

Митя пролистнул дальше. Ему было всё равно.

— Не прогуливай сегодня, — сказала мать, не глядя.

— А смысл? — Митя сел, взял ложку.

— Смысл в том, что экзамены через год. Ты хоть аттестат получи.

— Зачем? Мать не ответила. Она всегда замолкала, когда не знала, что сказать. Дед в таких случаях говорил: «Затем, чтобы было». Митя считал это глупым ответом.

За окном моросил дождь. Где-то далеко, за лесом, на старой трассе было пусто. Ни машин, ни людей. Обычный осенний день в Заозёрье. Митя доел кашу, допил молоко, вытер губы рукавом. Потом взял телефон, открыл карту, посмотрел на Петербург — семьсот километров, девять часов на машине, если по платной. И зачем им всем туда? Он не знал, зачем смотрел. Просто так.

Он ещё не знал, что этот день — последний день его обычной жизни. А завтра всё начнётся

* В. А. И. Ф.А.И. — Волновой Адаптер Инфосети Фази-
рованный Антенный Излучатель

*Волостной урядник (Пролог) — нижний чин земской полиции, выполняющий функции местного надзирателя в сельской местности. В крупных городах, таких как Петербург или Москва, за порядок на районах отвечают околоточные.

*Молния — обиходное название короткого цифрового текстового сообщения на мобильный телефон. В доцифровую эпоху так называлась правительственная или сверхсрочная телеграмма.

Глава 1. Демографический ресурс

Митя вышел за калитку, поправил рюкзак. Дождь почти кончился, только мелкая морось висела в воздухе, оседая на лице холодной паутиной. Дед уже уехал на своей старой, пропахшей бензином «Ниве» — с утра поехал в город за цементом, потому что государственные стройматериалы вечно задерживали на сортировочных узлах. Мать осталась дома: она работала в местном фельдшерском пункте, через дорогу от школы. Её смена начиналась только после обеда, так что сейчас она возилась на кухне, грея на умной индукционной плите вчерашний борщ.

— Не забудь зонт! — крикнула она из приоткрытого пластикового окна, которое нелепо смотрелось на фоне деревянного фасада.

— Не возьму, всё равно не идёт, — отозвался Митя.

— Тогда не жалуйся, что простудишься. Лекарства нынче дорогие!

Митя махнул рукой и пошёл. Он любил это время — когда только рассвело, но солнце ещё не показалось из-за зубчатой кромки леса, и весь мир казался размытым, серо-зелёным, как старый фотоснимок. Любил тишину, изредка прерываемую хриплыми петухами и гулом высоковольтных проводов, тянущихся к столице. Деревня просыпалась медленно, нехотя, словно старый механизм.

Он прошёл мимо гаража. Там, под навесом из рифлёного поликарбоната, стоял его самокат «Вихрь» — всё ещё разобраный, с выпотрошенным нутром. Мите нравился минимализм его матовой алюминиевой рамы, но сейчас из рулевой стойки торчали провода. Новая плата, которую он заказал с имперского электрорынка, пришла с браком: один контакт был грубо замкнут, второй не подавал напряжения. Типичная заводская штамповка. Теперь он ждал замену — если повезёт, посылку скинут в пункт выдачи к выходным. А пока — только пешком.

Заозёрье было типичным селом в Калязинском уезде Тверской губернии. В Империи административное деление было строгим и архаичным, словно из позапрошлого века: губернии делились на уезды, уезды — на волости, а волости — на сельские общества. Главой уезда назначался из Петербурга исправник, сидевший в кабинете с портретом государя и десятком сетевых узлов закрытой связи. Реальная же власть на местах часто принадлежала крупным синдикатам, вытеснившим старых помещиков. В Заозёрье лучшие лесные угодья давно выкупила казённая монополия: вековые массивы за рекой теперь валили и вывозили тяжелые автоматизированные лесозаготовители, а людям оставались лишь жидкие рощицы у деревни да их типовые участки.

Года два назад из-за этой монополии случился крупный скандал. Синдикат постановил, что частный скот бродит по лесам, вытаптывает их питомники ценных пород и нарушает

имперские карантинные нормы. По дворам пошли урядники с ветеринарами, принудительно изымая у сельчан коров, свиней и коз. Деревня тогда гудела. Мужики собирались у магазина, сжимали кулаки, писали прошения уездному исправнику, а Горыныч даже грозился выкатить из сарая свой пулемёт.

Но всё закончилось ничем. Синдикат действовал безжалостно, но строго по закону: за каждую голову скота людям заплатили сполна, до последней копейки, выдав на руки суммы даже выше рыночных. Вроде бы никого не ограбили — деньги перевели исправно, жаловаться в суд бессмысленно. Но дворы разом опустели и затихли. А парное молоко и мясо теперь приходилось покупать всё в том же сетевом «Империя Пассаж», в стандартных упаковках с двуглавым орлом на этикетке. Люди поскрипели зубами, сглотнули эту золотую пилюлю и смирились.

Ближайший город — Калязин, уездный центр, — находился в сорока километрах. Туда ездили за покупками, к профильным врачам, оформлять цифровые подорожные грамоты. был маленьким, эклектичным: кривые улицы с деревянными домами, вечно разбитые из-за тяжелых грузовиков дороги, а на въезде — ослепительно белая церковь с новенькими композитными куполами, покрытыми нитридом титана. Её восстановили к юбилею Империи по госпрограмме, и по ночам она подсвечивалась мощными прожекторами.

В Империи последние годы было беспокойно. По теле-

визору каждое утро крутили тревожные сводки о мигрантах: их наплыв приграничных территорий, превратившихся в нищие, истощенные войной земли, вызывал напряжение. В крупных городах, вроде Петербурга и Москвы, уже ввели жесткие цифровые кордоны — чужаков в столицы пускали неохотно, строго ограничивая квоты. Из-за этих кордонов беженцы плотным кольцом оседали на подступах к мегаполисам, скапливаясь в уездных центрах вдоль главных трасс. В самом Заозёрье чужаков почти не было: так, пара семей из Европы, бежавших от тамошней разрухи, тихо осела в соседней деревне, да строительные бригады иногда мелькали на магистрали. А вот чем ближе к Петербургу, тем сильнее менялась картина. Митя слышал от деда, что в том же Вышнем Волочке огромные рынки давно и крепко держала афганская диаспора. Дед иногда ворчал, глядя новости: «Они такие же люди, как мы, только беды у них больше». Мать по привычке молчала, а Митя не задумывался — геополитика казалась ему чем-то виртуальным, вроде компьютерной игры.

Вот и сегодня, вывернув на центральную улицу, он не думал ни о политике, ни о европейских беженцах. Он прокручивал в голове схему контроллера. Может, не ждать новую плату, а выпаять конденсатор из старого радиоприемника? Самокат был нужен к выходным — Митя хотел съездить на дальнее озеро, пока не ударили морозы.

У сетевого супермаркета «Империя Пассаж» стоял тяжёлый бронированный электрофургон с надписью «Держав-

ный» на борту — передвижной пункт выдачи заказов. Его боковая панель была откинута, обнажив ряды ячеек с посылками. Рядом толпились местные — бабка Клава, дядя Витя в засаленной спецовке, молодая мать с умной коляской, которая сама укачивала ребёнка тихим гудением гироскопов.

— О, «Державный» приехал, — прошамкала бабка Клава, прикладывая палец к биометрическому сканеру фургона, чтобы забрать коробку с лекарствами. — А то «Пассаж» этот совсем цены взвинтил. Говорят, скоро вообще закроют магазин, рентабельности им, вишь ты, не хватает.

— Так они же раньше одной семьёй были, — заметил дядя Витя, прикуривая от дешевой электронной зажигалки. — «Империя Пассаж» и «Державный». Пока старый владелец не помер. Теперь вон как грызутся: то логистику друг другу ломают, то скидочные войны устраивают.

Высказав эту мысль, механик тут же потерял интерес к разговору. Он сделал шаг в сторону, подальше от суеты у фургона, и полез во внутренний карман замасленной куртки.

— Ага, — бабка Клава сплюнула в лужу, не обращая внимания на то, что собеседник её уже не слушает. — Бояре дерутся, а у холопов чубы трещат. Нам-то всё равно, кто хозяин, лишь бы гречка дешёвая была.

Митя вежливо кивнул старушке и хотел проскочить мимо толпы, но, огибая фургон, чуть не налетел на дядю Витю. Механик уже полностью отключился от реальности. Он стоял у самой стены пассажа, прижав к пластиковому сайдин-

гу обтрепанный тетрадный лист. Дядя Витя затянулся, и его лицо тут же исказилось в кашле. Сигаретный дым, тяжелый и едкий, повис над листом с расчетами серой пеленой. Митя поморщился — от этого запаха всегда начинала ныть голова, а пальцы, пожелтевшие от никотина, выглядели нездоровыми, почти как старый пластик. Он ожесточенно черкал огрызком карандаша по бумаге, сплошь испещренной столбцами цифр.

— ...если брать частотный анализ за последние тридцать тиражей, дельта-система сходится, — маниакально бормотал дядя Витя. — Двойка выпадает реже, значит, регрессионная модель потащит за собой восьмерку... Точно потащит!

Митя притормозил. Дядя Витя был мужиком с золотыми руками — он мог перебрать движок «Питерца» с закрытыми глазами и на слух определял, где коротит проводка. Но каждый вторник и пятницу его мозг отключался от реальности и уходил в государственную лотерею «Имперский куш». Витя свято верил, что систему можно взломать. Что это просто алгоритм.

Митя, сам не раз ковырявшийся в платах, рассуждал проще: кто программирует контроллер, тот и решает, как он работает. Попытаться высчитать выигрыш в с помощью табличек — всё равно что чинить сгоревшую микросхему силой мысли. Но дядя Витя упорно чертил свои схемы. С ними ему просто было спокойнее.

— Дядь Вить, вы так карандашом листок продавите, —

негромко сказал Митя.

— А? Что? — механик вздрогнул, оторвавшись от расчётов. В его глазах на секунду мелькнул фанатичный блеск азарта, но тут же погас, уступив место привычной, тяжелой усталости. — А, Митька... Да вот, высчитываю. В прошлый раз из-за одной цифры сорвалось! Понимаешь? Одна цифра! Систему надо просто докрутить. Я её дожду.

Он нервно сунул смятый лист в бездонный карман замасленной куртки, словно боясь, что кто-то подсмотрит его секрет. Мите вдруг стало его невыносимо жаль. Мужик ждал чуда от смятого листочка, потому что больше ждать было не от чего.

— Митя, привет! — окликнула его тётя Зина, вышедшая на крыльцо магазина. На ней был фартук с логотипом «Пассажа», а в руке дымилась сигарета. — В школу?

— Ага.

— А «Питерец» ваш починили наконец? Запчасть по гарантии пришла?

— Шестой месяц идёт, — буркнул Митя.

— Цирк да и только, — Зина покачала головой. — Прямо как с партией «Возрождение» в Думе. Обещали золотые горы, народ им в облигации деньги понёс, а они раз — и самораспустились. Кума моя десять тысяч потеряла, концов не найти. И пожаловаться некому, суды-то все под министерскими.

Разговор про машину был неприятным. Мать каждую

неделю оставляла голосовые сообщения в торговом доме, но в ответ слушала только голос речевого информатора: *«Ваш гарантийный случай находится на рассмотрении. Ожидайте поставки оригинальных деталей». В итоге их новенький «Питерец», напичканный электроникой, гнил на стоянке в райцентре, а они платили за аренду чужих машин.

Митя свернул в переулок. Впереди показался высокий забор из металлопрофиля, увенчанный камерами слежения. Это был дом Горыныча. Сосед, как обычно, стоял у калитки в старой армейской телогрейке поверх свитера. Рядом сидел его пёс — огромный, лохматый, с умными и тяжелыми глазами.

— Здорово, малец, — хрипло бросил Горыныч, выпустив струю дыма. — Слышал про гвардию?

Вокруг него стояло тяжелое облако перегоревшего табака, в котором, казалось, вязли все слова. Митя старался дышать через раз — этот запах казался ему запахом застоя и безнадёги

— Вчера слышал.

— Сегодня ближе к вечеру будут здесь.

Горыныч вытащил из кармана массивный, защищенный от ударов телефон. На экране было зернистое видео: темные силуэты тяжелых, угловатых машин на фоне леса, снятые через стекло фуры.

— Мужики с платной трассы прислали по закрытому каналу, — пояснил Горыныч, понизив голос. — Гвардия им-

ператорская. Элита. Они просто так технику не гоняют. Последний раз такой кортеж шел, когда «Крымский инцидент» был. Помнишь?

Митя смутно помнил. В школе на уроках эту тему проходили вскользь: европейский корабль нарушил морскую границу, наши их потопили, чуть не началась большая война.

— Говорят, Государь тогда лично в Европу царским бортом летал, кулаком по столу стучал, — Горыныч криво усмехнулся. — Утрясли. А сейчас чего-то снова зашевелились. То ли бунт где-то на границе давят, то ли везут что-то такое, что обычным жандармам не доверят.

— Мне-то что, — пожал плечами Митя. — Я в школу опаздываю.

— Ты вот что, — Горыныч вдруг подался вперед, глядя на Митю тяжело и серьезно. — Смотри не лезь к ним вечером. Увидите колонну — стойте в стороне. Никто не знает, что от них ждать. Понял?

— Понял.

Школа встретила Митю привычным запахом дешёвого моющего средства, пластика и озона от обогревателей. Здание бывшей купеческой усадьбы снаружи выглядело роскошно, с восстановленными античными колоннами и золотым орлом на фасаде, но внутри после ремонта по программе «Имперское наследие» напрочь лишилось души. Просторные залы перегородили глухими стенками, историческую кирпичную кладку зашили типовыми панелями цве-

та «светлый орех», отчего коридоры стали узкими и давили теснотой. Прямо на такой новенькой, безликой стене переливался яркий цифровой плакат: «Помни 10-е марта — День единства Империи!». Плакат этот намертво завис ещё прошлой весной — имперская сеть обновления дала сбой. Местный трудовик лезть в казенную технику боялся, а специалиста из уездного центра ждали уже седьмой месяц. Так и светилось это мартовское «единство» посреди промозглого октября.

Митя тихо пробрался в класс и сел на своё место у окна.

Кабинет выглядел как наглядное пособие по имперскому мышлению — громоздкая смесь старины и новых технологий. Ученики сидели за классическими наклонными партами конструкции Эрисмана, как в девятнадцатом веке, но сделаны они были не из дерева, а из дешевого серого композита. В откидные крышки парт по программе «Цифровое просвещение» когда-то вмонтировали индивидуальные инфо-экраны, но половина матриц давно выгорела, а гнезда связи младшекласники забились мусором и бумажками.

Впереди возвышалась тяжелая дубовая кафедра, за которой восседала учительница. Прямо за её спиной висела та самая хваленая сенсорная панель, которую старались лишней раз не включать из-за глюков. Для солидности строители заковали её в массивную раму под красное дерево, отчего дорогой прибор стал похож на нелепую картину.

А над панелью, строго по центру стены, светился цифро-

вой портрет Государя в парадном мундире. Изображение было динамическим: раз в минуту Царь на экране едва заметно менял позу, поправлял орденскую ленту и переводил строгий взгляд прямо на задние ряды. Митю этот портрет всегда раздражал чисто технически: он знал, какая прожорливая плата стоит за экраном такого разрешения, и злился, что на эту показуху электричества хватает, а в школьной мастерской даже розеток для паяльников в обрез.

Его друг Колян с задней парты тут же переслал ему молнию в «Граде»: *«Гвардия в области. Горыныч прав, маршрут прямо через нашу развязку»*.

— Видел, — одними губами ответил Митя.

— Тихо! — раздался резкий голос от дверей.

Первым уроком стояла география. Её вёл Аркадий Ильич — грузный, лысеющий мужчина, бывший военный топограф. Он тяжело опустился за стол, включил старый проектор и вывел политическую карту мира. Больше половины Евразии заливало ровное золотое пятно.

— Записываем тему: «Геополитический контур и демографический ресурс Империи», — хрипло произнёс учитель, беря в руки указку. — Посмотрите на наши рубежи. На западе — Европейский кордон. Железный вал, отделяющий нас от гниющей автократии, где люди забыли, что такое центральное отопление. На юге — Санитарная зона. На востоке — Индо-Китайский мегаблок. Да, их миллиарды, но это лишь нищие рабочие руки, задыхающиеся в смоге. И за-

крытая Америка, которая давно варится в собственном соку. Только мы, Империя, являемся ковчегом порядка. Нас полмиллиарда. Пятьсот миллионов верноподданных.

Аркадий Ильич обвёл класс строгим взглядом. — И чтобы этот колоссальный механизм работал, каждый из вас должен занять своё место. Напоминаю: вы заканчиваете обязательные одиннадцать классов. Далее вступает в силу Имперская система распределения.

Митя вздохнул. Он знал это наизусть. Базовое образование было жёстко привязано к регионам и их ресурсам. Если родился на Урале — пойдешь в университеты тяжелой металлургии. В Тюмени — прямой путь в Институты нефти и газа, обслуживать вышки. Их Тверская губерния была аграрно-лесным придатком. Значит, по умолчанию девяносто процентов класса отправятся в Калязинский лесотехнический колледж.

Лазейка была только одна: продать себя. Имперские монополии раз в год устраивали жесткие отборочные конкурсы. Подпиши бессрочный контракт, отдай корпорации права на все свои будущие разработки — и тебя заберут в столицу, оплатят учебу в Институте технологий имени Шереметева.

Именно об этом мечтала его бывшая девушка Ленка, готовая на любую кабалу, лишь бы вырваться из Заозёрья. Другие тоже грезили, что их заметит вербовщик из Госмонополии. А географ эти мечты ненавидел.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.